

УДК: 930.271: 930.26 (571.63)

Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья¹

Александр Львович Ивлиев,

кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lviieval2@gmail.com

В работе впервые даётся полная сводка обнаруженных к настоящему времени в Приморском крае эпиграфических материалов, относящихся к государству Бохай и племенам, обитавшим на его периферии в VIII—X вв. Предлагаются переводы надписей и по возможности их историческая интерпретация. Отсутствие каких-либо достоверно бохайских эпиграфических памятников, написанных не китайским иероглифическим письмом, указывает на то, что оно было единственным видом письменности, использовавшимся и имевшим распространение в Бохае.

Ключевые слова: эпиграфика, государство Бохай, письменность Бохая, археология.

Epigraphic materials of Bohai Kingdom and Bohai epoch from Primorye Territory.

Alexander Ivliev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The paper for the first time presents full list of epigraphic materials related to Bohai state and tribes inhabited its periphery in VII—X cc. found in Primorye Territory until now. Translations of epigraphic inscriptions and if possible their historical interpretation are made. The fact that up to now there are no trustworthy Bohai epigraphic relics written not in Chinese characters indicates that Chinese script was the only kind of written language that was used and widespread in Bohai.

Key words: epigraphy, Bohai state, written language of Bohai, archaeology.

К основным категориям бохайских и доцзиньских эпиграфических материалов из Приморья относятся: надписи на керамике и черепице; надписи на металлических изделиях (верительная бирка, бубенчик). В отечественной литературе 50—70-х гг. прошлого века можно встретить упоминания о бохайских печати и бронзовом диске с надписями [20]. Однако сейчас эти предметы вполне обоснованно датированы временем государства Восточное Ся (1215—1233 гг.).

¹ Статья написана при поддержке грантов ДВО РАН 12-III-Д-11-040 и 12-III-А-11-215.

Известны и бохайские стелы с описаниями биографий умерших, но все они найдены за пределами Приморья, на территории КНР. К настоящему времени в провинции Цзилинь обнаружены четыре стелы. Одна из них — стела принцессы Чжэнь-хуй — на могильнике Людиншань в уезде Дуньхуа [1; 8; 17; 21]; остальные (принцессы Чжэнь-сяо [2], супруги Вэнь-вана королевы Сяо-и и супруги Цзянь-вана королевы Шунь-му) — на могильнике Лунхай, на горе Лунтоушань в уезде Хэлун [15]. Две последние из них пока не опубликованы.

В Приморье к бохайскому времени предположительно относится также каменная плитка с рунической надписью. Найденная в районе Уссурийска, она хранится в Приморском объединённом краеведческом музее им. В.К. Арсеньева. В 20-х гг. прошлого века знаменитый японский исследователь Тории Рюдзо указал на сходство надписи с древнетюркскими руническими письменами. Э.В. Шавкунов попытался её прочитать, предположив, что знаки сделаны негативно и зеркально для оттиска в качестве печати, и отождествив их с определёнными тюркскими буквами. В части надписи исследователь прочёл слово «Суйубинь», увидев в нём название бохайской области Шуайбинь, созвучное с именованием реки Субинь — Суйфун. Был сделан вывод о популярности тюркского рунического письма среди широких слоёв бохайского общества [19]. Однако до сих пор каких-либо рунических надписей на бохайских памятниках встречено не было.

Обратимся к фактическим материалам по эпиграфике из Приморья.

НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ И ЧЕРЕПИЦЕ

Знак на черепице. Во время раскопок здания буддийского храма на Краскинском городище была найдена желобчатая черепица с прочерченным на её выпуклой поверхности иероглифом (рис. 1). В отличие от черепицы из столиц Бохая, где иероглифы, как правило, оттискивались с помощью штампа, этот знак прочерчен по сырой глине. Напоминая в целом иероглифы китайской письменности, он состоит из графем 禾 и 录, вместе не встречающихся в китайских иероглифах. Можно предполагать, что это неправильное написание знаков 錄 лу («запись», «регистрация», фамильный знак) либо 祿 лу («счастье», «жалование», фамильный знак). Подобные разнописания либо ошибочные написания отмечаются китайскими археологами на черепице из бохайских столичных городов [9].

Знаки на стенках сосудов. На стенках сосудов из Николаевского-2 (один фрагмент) и Краскинского городищ встречено свыше десятка иероглифических надписей, чаще всего сделанных ещё по сырой глине. Большинство из них являются фрагментами, не поддающимися прочтению (рис. 2).

Рис. 1. Черепица с иероглифическим знаком. Краскинское городище

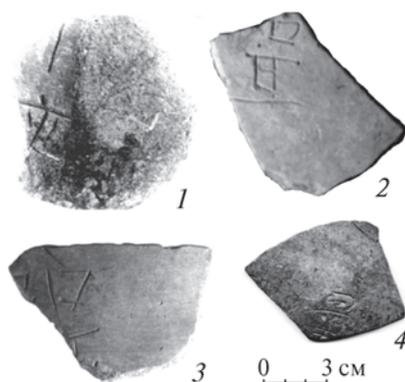

Рис. 2. Фрагменты надписей на стенках сосудов. 1 — городище Николаевское-2; 2—4 — Краскинское городище. 1 — вне масштаба

Тем не менее шесть надписей с Краскинского городища сохранились в достаточно полном виде. Рассмотрим их ниже.

Знак 武 у («воин», «военный», фамильный знак) процарапан на плечиках уже обожжённого сосуда (рис. 3: 1). Судя по тому, что вертикальная ось знака совпадает с вертикальной осью сосуда, он писался на целом изделии, а не на фрагменте.

По уже обожжённому сосуду процарапан и 日 жи («солнце», «день») (рис. 3: 2). Он прочерчен острым предметом по сухой наружной стенке. Канавки линий иероглифа прорезали чёрную поверхность сосуда, обнажив светло-серую глину, в результате чего знак отчётливо виден на тёмном фоне. При прочерчивании, производившемся со значительным усилием, инструмент часто «выскакивал» за пределы линий. В целом, изображение ближе всего к 日 жи («солнце», «день»), хотя его линии, особенно средняя горизонтальная, выходят за пределы оконтуривающего иероглиф прямоугольника. Скорее всего, это связано со спецификой прочерчивания по сухой глине.

Остальные знаки прочерчены по сырой глине до обжига сосудов. Знак, скорее всего, соответствующий иероглифу 女 нюй («женщина») в сочетании с двумя точками (рис. 3: 3). Знак 世 ши («поколение», «род», фамильный знак) нанесён на сосуд в районе его плечиков (рис. 3: 4). Прочерчивание производилось в строгом соответствии с порядком написания иероглифа: сначала шла горизонтальная линия, потом — пересекающие её вертикальные. Нижняя горизонтальная линия совпала с изломом фрагмента, но всё равно видна. Знак 木 му («дерево») на сосуде мохэского типа (рис. 3: 5). Надпись из двух знаков (рис. 3: 6): первый — 无 у («безногий» /или «несмышлёный»/), второй, судя по порядку написания

Рис. 3. Надписи на стенках сосудов.
Краскинское городище

двусложные имена, своеобразные нечитаемые знаки, знаки в зеркальном написании [14]. Очевидно, Упин (либо Уфэн, Уцзе) на краскинском фрагменте является двусложным именем.

Отметим, что не все из встреченных на фрагментах сосудов иероглифов являются фамильными знаками, а из встреченных фамильных знаков только 王 Ван и 木 Му есть в списке бохайских фамилий у Цзинь Юйфу [16].

Иероглифы на сосудах следует отличать от тамгообразных знаков, которые оттискивались на днищах, видимо, будучи вырезанными на гончарном круге. Остановимся только на характеристике подобных китайским иероглифам знаков на днищах ряда сосудов из северо-западной части раскопа XXXIV на уровне 8 и 12 пластов на Краскинском городище (рис. 4). Знаки получены в результате помещения необожжённого днища формируемого сосуда на поверхность гончарного круга, на которой они были вырезаны. Все знаки довольно схожи между собой, хотя из-за нечёткости оттисков некоторые напоминают иероглиф 主 *чжу* («хозяин»), другие — знак 压 *я* («давить, угнетать») в его современном со-

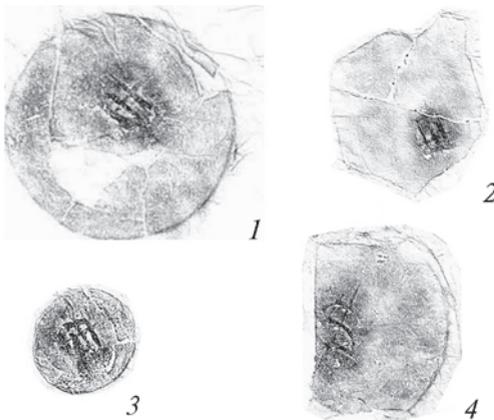

Рис. 4. Тамгообразные знаки на днищах сосудов. Краскинское городище.
Раскоп XXXIV

черт, может быть трактован как 平 *пин* («ровный, гладкий, мирный»), фамильный знак), или 丰 *фэн* («красивый, изящный», «густой, богатый», фамильный знак), или 丰 *цзе* («спутанный, беспорядочный»).

Подобно знакам на черепице из бохайских столиц, указанные знаки, вероятнее всего, являются именами и фамилиями гончаров (в случае с написанием по сырой глине) или хозяев сосудов. Сунь Сюэнь, рассматривая знаки на бохайской черепице, выделяет среди них семь категорий: цифры, циклические знаки, фамильные знаки, односложные имена,

двусложные имена, своеобразные нечитаемые знаки, знаки в зеркальном написании [14]. Очевидно, Упин (либо Уфэн, Уцзе) на краскинском фрагменте является двусложным именем.

восстановить вид всех знаков примерно как , что очень похоже на символ доллара (\$) — знак на дне сосуда из кв. Б/4 из 12 пласта этого раскопа (рис. 4: 4). Скорее всего, указанные изображения являются вариантами одного и того же тамгообразного знака, который ставился на продукции одной гончарной мастерской.

Надпись на придонной части сосуда. Несомненно, надписью являются знаки на внутренней стенке придонной части сосуда из заполнения котлована жилища 8 (шестой пласт) в раскопе ХLI Краскинского городища. Иероглифы нанесены твёрдым тупым предметом по сухому черепку. Царапины от орудия напоминают следы лощения, большей частью почти не имеют углубления и представляют собой блестящие тёмные линии на более светлом фоне стенки сосуда. Надпись выполнена китайскими иероглифами, написанными почерком *кайшу*, принятым в Китае и других странах Восточной Азии и в настоящее время, в две вертикальные строки, идущие от дна к верхней части сосуда. Первой строкой здесь является правая, поскольку в Китае в древности и средние века писали вертикальными строками справа налево. Эта строка состоит из двух иероглифов — 弘知 *хун чжи* (можно перевести как «обширные знания» или «расширение знаний»). Иероглифы второй — 道隆 *дао лун* (можно истолковать как «вершина пути», «наивысшая точка пути»). Примерно в таких значениях сочетания этих знаков имеются в трактатах южно-сунского автора Ян Ваньли (杨万里) «Юн янь» (庸言) и «Цянь люй цэ» (千虑策), есть они и в буддийских сочинениях — «Собрание изречений наставника Чжу Фэнминя» (竺峰敏禅师语录) начала XVIII в. В летописи «Сун Шу» (宋书, «История династии Сун», 420—479 гг.) *Даолун* встречается в качестве имени сановника, а *хунчжи* употреблено в качестве эпитета Неба как высшего божества [13, с. 1729, 1741]. Казалось бы, строки должны иметь продолжение выше, сейчас утраченное. Однако более внимательное рассмотрение заставляет думать обратное. Во-первых, знаки первой строки почти в два раза меньше знаков второй: общая высота первой строки — 5,5 см (её знаки чуть больше 2 см), а второй — 8 см (высота её знаков — 4 см). При этом знаки первой и второй строк занимают всё доступное пространство на стенке сосуда от дна до её края в месте облома. Следовательно, знаки писались так, и их размер подбирался таким образом, чтобы уместить каждую из строк на сохранившейся части стенки. Во-вторых, все знаки сохранились целиком, ни один не уходит за пределы имеющегося фрагмента. В-третьих, сосуд, на внутренней стенке которого помещена надпись, не был ни тазом, ни большой миской. Скорее всего, это корчажка, или большой горшок. Такого рода изделия имеют достаточно узкую горловину, и писать на их внутренней стенке в её придонной части затруднительно. Это пришлось бы делать «вслепую», не имея возможности видеть написанное. Вероятнее всего, надпись была нанесена на уже разбитый сосуд. При этом, учитывая указанные

Рис. 5. Надпись на придонной части сосуда. Краскинское городище, раскоп ХLI. Белой овальной линией указан район надписи на сосуде. На увеличенном фрагменте черты оконтурены белыми линиями

выше обстоятельства, писали именно на сохранившемся фрагменте, от которого впоследствии ничего не было утрачено. Для надписи выбрали наиболее просторное и свободное от вмятин выбивки место. Исходя из всего этого, можно заключить, что надпись сохранилась целиком. Каков же смысл четырёх иероглифов? Попытки найти такие сочетания в Интернете привели нас к многочисленным отсылкам к справочникам и словарям японских имён и фамилий. Именно там есть два японских имени, написание которых полностью совпадает со знаками на стенке сосуда [7, с. 186, 425]. Это 弘知 *Хиротомо* и 道隆 *Мититака*. Японские имена на фрагменте сосуда из Краскинского городища не могут быть неожиданностью, поскольку уже на протяжении 40 лет оно рассматривается как город Яньчжоу — последняя точка на сухопутной «дороге в Японию». Именно через этот город должны были проезжать как бохайские посольства в Японию, так и японские в Бохай.

Из письменных источников известно о 14 японских посольствах в Бохай [3, с. 200—211]. При этом в 759 г. одно из них направлялось через Бохай в Танскую империю. О численности посольств можно судить по посольствам 758 г. (68 чел.) и 759 г. (99 чел.). До нас дошли только имена людей, возглавлявших посольства, однако среди десятков членов миссий могли быть и те, кто оставил свои имена на фрагменте сосуда из Краскинского городища. В надписи отсутствуют фамилии. Как любезно сообщил нам профессор университета Канадзава гакуин Кодзима Ёситака, ношение имён без фамилий было характерно для буддийских монахов.

Предложенное толкование надписи носит предварительный характер. В настоящее время такая интерпретация представляется наиболее вероятной. Хотя следует отметить: наши корейские коллеги полагают, что здесь мы имеем дело с буддийской молитвой.

НАДПИСИ НА БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ

«Рыбка», найденная на пашне, на Николаевском городище Партизанского района. Это бронзовая верительная бирка длиной 6 см в виде половинки разрезанной вдоль по вертикали рыбки (рис. 6). На животе у рыбки нанесены левые половинки иероглифов 合 хэ и 同 тун — «сходится». На плоской внутренней поверхности, по которой была разрезана рыбка, есть большой иероглиф 同 тун («совпадает, сходится»), а ниже его отчеканена надпись в две строки:

左驍衛將軍 Цзо сяо вэй цзян цзюнь

聶利計 Не ли цзи («Полководец Левои доблестной гвардии Нелицзи»).

Верительные бирки были в употреблении в Китае ещё в первом тысячелетии до н.э. В танскую эпоху (VII — начало X в.) они имели форму рыбки. Рыбки использовались в качестве пропуска, как свидетельство занимаемой должности и для подтверждения достоверности поступающих из столицы приказов. При императорском дворе хранилось несколько экземпляров одной половины рыбки, а полководец, возглавляющий войска на какой-либо территории, получал экземпляр второй половинки. Прибывавший из столицы гонец с приказом должен был предъявить полководцу вторую половинку бирки.

Об этом предмете писалось неоднократно [18; 22]. Почти полное сходство упомянутой на бирке должности с той, что получил от танского двора первый правитель Бохая Да Цзожун (Великий полководец Левои доблестной гвардии), наряду с частыми упоминаниями в китайских летописях о пожалованиях военными должностями приходивших ко двору с дарами мохэских вождей и посланников, заставляет полагать, что здесь мы имеем дело с верительной биркой, пожалованной вместе с должностью танским двором представителю какого-то мохэского племени, поддерживавшего самостоятельные отношения с китайской империей [22]. Наиболее вероятно отношение этой бирки к имеющемуся на городище слою смольнинской культуры, отличающейся сосудами с вафельным штампом.

Бубенчик, обнаруженный в погребении № 29 на мохэском могильнике Монастырка-3 (Дальнегорский район) экспедицией под руководством О.В. Дьяковой [6, с. 77]. Бронзовый бубенчик покрыт позолотой и растительным орнаментом. Переплетающиеся стебли с завитками листьев изображены оконтуривающими их гравированными линиями, сделанными штихелем с довольно длинной рабочей головкой. Каждый

Рис. 6. Бронзовая верительная бирка. Николаевское городище Партизанского района

Рис. 7. Бронзовый позолоченный бубенчик с надписью. Могильник Монастырка-3. Общий вид, фото надписи и её прорисовка

последующий след штихеля частично перекрывает предыдущий. Фон рисунка образован выбитыми трубчатым штихелем мелкими кружками (рис. 7). Ровно на экваторе бубенчик имеет выпуклый валик шва соединения верхней и нижней половинок. В нижней есть широкая прорезь. Перпендикулярно прорези к ней

от валика на экваторе спускается очищенная от позолоты и орнамента полоса с вертикальной строкой из четырёх китайских иероглифов.

Черты иероглифов нанесены оконтуривающими их гравированными линиями, сделанными частыми ударами штихеля с точечным рабочим концом. Сами иероглифы написаны почерком *кайшу*, лежащим в основе современного написания иероглифов, однако черты их не всегда правильны, а иногда и стилизованы, что, видимо, вызвано трудностями гравировки на сферической поверхности.

Первый иероглиф представляет собой знак 水 *шуй* («вода»), второй, скорее всего, стилизован, не все черты в нем ясно различимы. С определённой долей вероятности его можно трактовать как 道 *дао* («путь»), хотя нельзя исключать и того, что это знак 首 *шоу* («голова», «первый»). Поверхность в районе этого знака имеет несколько бесформенных углублений, выеденных коррозией, поэтому полностью восстановить его начертание не удаётся. Третий однозначно является знаком 城 *чэн* («город», «стена»). Значительные затруднения в определении вызывает последний иероглиф. Ближе всего он к правой части знака 於 *юй*, самостоятельно не используемой. Наиболее вероятна идентификация этого знака с иероглифом 令 *лин* («начальник»), либо 鈴 *лин* («колокольчик», «бубенчик»). Последний знак имеет в правой части отсутствующий в надписи детерминатив 金 («металл»), однако известны случаи употребления иероглифа *лин* в значении «колокольчик» без этого детерминатива.

В целом, надпись можно прочесть как: 水道 (首) 城令 (鈴) *шуй дао* (либо *шоу*) *чэн лин* (наиболее вероятный перевод её: «Бубенчик из города Шуйдаочэн» либо «Бубенчик из города Шуйшоучэн»).

Название города Шуйдаочэн («Город на водном пути») либо Шуйшоучэн («Первый на реке город») в исторических материалах встретить не удалось. Возможный вариант перевода «Начальник города Шуйдаочэн

(Шуйшоучэн)» представляется менее вероятным, поскольку *лин* как «начальник» в истории Китая встречается в качестве начальника уезда (*сянь лин*), рынка (*шилин*), отдельных учреждений, но не города [10].

По способу нанесения и характеру декора бубенчик ближе всего к танским изделиям: серебряной модели гроба из реликвария в основании буддийской пагоды в уезде Цзинчуань провинции Ганьсу [5], серебряным чашам, чаркам и шкатулке, найденным в деревне Шапоцунь в юго-восточном пригороде г. Сиань [12], а также одновременным им позолоченным бронзовым ножницам для обрезания фитилей из пруда Анапчи в столице Объединённого Силла Кёнджу [23, р. 118]. Аналогичные по декору вещи встречены и в ляоских погребениях раннего периода Ляо (X в.). Это комплект из позолоченных серебряных кувшина и чаши с боковыми ручками-кольцами из ляоской могилы в Туэрцишань в Левом заднем хошуне Хорчин, серебряная с позолотой накладка-наконечник ремня из этой же могилы [11, с. 68, 99—101], золотые чаши, серебряный позолоченный кувшин с изображениями сюжетов о почтительных сыновьях, семигранные серебряные с позолотой чаши на поддонах, блюдо с двумя фениксами из того же материала, серебряная с позолоченным рисунком плевательница, бронзовая с позолотой накладка-наконечник ремня из могилы Елюя Юйчжи (941 г.) на горе Чаокэтушань в сомоне Ханьямо хошуна Алукэрцинь Чифэна Внутренней Монголии [4]. Характерной особенностью этого орнамента является фон, образованный нанесёнными трубчатым штихелем кружочками. Такой фон наблюдается на многих серебряных и золотых изделиях из указанных ляоских могил, но не встречается ни до VII в., ни после X в. В содержащей большое количество золотых и серебряных изделий могиле ляоской принцессы Чэньго, умершей в 1018 г., есть только одна золотая игольница, украшенная орнаментом с таким фоном [24, с. 64]. Это свидетельствует о том, что к XI в. такая техника декора уже выходит из употребления.

Следовательно, можно заключить, что бубенчик, скорее всего, сделан китайскими мастерами в VII—X вв.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, основным видом письменности в Бохае было китайское иероглифическое письмо. Находка надписи, сделанной тюркским руническим письмом, пока единична, к тому же она не привязана к какому-либо бохайскому памятнику, а только примерно соответствует Бохаю по времени. Достоверных знаков другой письменности до сих пор не встречено. При этом все известные крупные бохайские письменные памятники: письмо бохайского правителя в императорской сокровищнице в Японии, надпись на хранящейся в Японии буддийской статуе с бохайским девизом правления, стелы из

могил бохайских принцесс и королев — написаны китайскими иероглифами. Как и в соседних странах — Силла и Японии — в Бохае китайская письменность в ту эпоху была универсальным средством общения. Судя по её распространённости даже на стенках простых глиняных сосудов, она была не чужда и простому городскому населению Бохая.

Надпись на бронзовой верительной бирке из Николаевского городища Партизанского района свидетельствует о дипломатических связях местных племён непосредственно с Танской империей, либо последовавшими за ней династиями эпохи Пяти династий (907—959 гг.).

В целом именно эпиграфические материалы позволили за последние 20—30 лет получить новое представление об истории юга Дальнего Востока в средневековый период, дополнить её серией ранее не известных фактов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ван Цзяньцюнь. Бохай чжэньхуйгунчжу му бэй као = Изучение стелы из могилы бохайской принцессы Чжэнь-хуй // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 437—449. Кит. яз.
2. Ван Чэнли. Тандай бохайго «чжэньсяо гунчжу му чжи» яньцзю = Исследование «Эпитафии принцессы Чжэнь-сяо» государства Бохай эпохи Тан // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 450—504. Кит. яз.
3. Ван Чэнли. Чжунго дунбэй-дэ бохайго юй дунбэйя = Государство Бохай на Северо-востоке Китая и Северо-восточная Азия. Чанчунь: изд-во Цзилинь вэньши, 2000. 435 с. Кит. яз.
4. Гай Чжиюн. Таньсюнь шищюй-дэ ванчао — ляо елюй юйчжи му = В поисках погибшего царства — могила ляоского Елюя Юйчжи. Хух-хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ, 2004. 159 с. Кит. яз.
5. Ганьсушэн вэньу гунцзо дуй = Археологический отряд провинции Ганьсу. Ганьсушэн цзинчуаньсянь чуту-дэ тандай шэли шихань = Каменная шкатулка с буддийскими реликвиями эпохи Тан, найденная в уезде Цзинчуань провинции Ганьсу // Вэньу. 1966. С. 8—15, 47. Кит. яз.
6. Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998. 318 с.
7. Капул Н.П., Кириленко В.Ф. Словарь чтений японских имён и фамилий. М.: «Русский язык», 1990. 536 с.
8. Кычанов Е.И. Первый бохайский письменный памятник на камне // Материалы и исследования по археологии СССР. № 86. Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. I. Древние культуры Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 225—230.
9. Ли Цян. Лунь бохай вэньцзы = О бохайской письменности // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 290—310. Кит. яз.
10. Лидай чжигуань бяо = Таблицы чиновничьих должностей на протяжении всех эпох / сост. Хуан Бэньцзи (эпоха Цин). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1982. 735 с. Кит. яз.

11. Нэймэнгу каогу уши нянь, ицзюусы — эрцянъ сы = 50 лет археологии Внутренней Монголии, 1954—2004: Нэймэнгуцзычжищюу вэньу каогу яньцзюсо бянь = сост. Институт археологии Автономного района Внутренняя Монголия. [Б.м.], [Б.г.]. 134 с. Кит. яз.
12. Сианьши вэньу гуаньли вэйюаньхуй = Комитет по охране памятников культуры города Сиань. Сианьши дуннаньцзюо шапоцунь чуту ипи тандай иньци = Находка серебряных сосудов эпохи Тан в деревне Шапоцунь города Сиань // Вэньу. 1964. № 6. С. 30—32, табл. VII—XI. Кит. яз.
13. Сун шу = История династии Сун / сост. Шэнь Юэ // Эршиу Ши = Двадцать пять династийных историй. Шанхай гуцзи чубаньшэ, Шанхай шудянь, [Б.г.]. Т. 3. С. 1629—1908. Кит. яз.
14. Сунь Сюжэнь. Тандай бохай-дэ вэньцзы хэ вэньцзыва = Письменность Бохая эпохи Тан и черепица с надписями // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 286—287. Кит. яз.
15. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо = Институт археологии провинции Цзилинь, Яньбянь чаосяньцзу цзычжичжоу вэньугуаньли вэйюаньхуй баньгунши = Канцелярия комитета по памятникам истории и культуры Яньбяньского корейского национального автономного округа. Цзилинь хэлунши лунхайбохай ванши му фацзюэ цзяньбао = Краткий отчёт о раскопках могил членов бохайского царского рода в Лунхай города Хэлун провинции Цзилинь // Каогу. 2009. № 6. С. 23—39. Кит. яз.
16. Цзинь Юйфу. Бохай го чжи чанбянь = Хронологическая подборка материалов для описания государства Бохай [Чанчунь]: издание редакции журнала «Шэхуйкэсюэ чжаньсянь». Т. 1, 2. 646 с. Кит. яз.
17. Цзинь Юйфу. Гуаньюй «бохай чжэньхуйгунчжу мубэй яньцзю»-дэ пучун = Дополнения к статье об «Исследовании стелы из могилы бохайской принцессы Чжэнь-хуй» // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 432—436. Кит. яз.
18. Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // Советская археология. 1989. № 1. С. 267—270.
19. Шавкунов Э.В. К вопросу о письменности бохайцев // Советское востоковедение. 1958. № 6. С. 82—84.
20. Шавкунов Э.В. О датировке бронзовых дисков и печати, обнаруженных в Приморском крае // Эпиграфика Востока. 1961. Вып. 14. С. 114—120.
21. Янь Ваньчжан. Бохай «чжэньхуйгунчжу му бэй»-дэ яньцзю = Исследование бохайской «Стелы из могилы принцессы Чжэнь-хуй» // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа = История и культура Бохая / гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 423—431. Кит. яз.
22. Яо Юйчэн. Элосы нигулаефусыкэ ичжи чуту юйсин цинтун синьфу каоши = Исследование бронзовой верительной бирки в форме рыбки, найденной на Николаевском городище в России // Бэйфан вэньу = Древности севера. 1993. № 3. С. 48—50. Кит. яз.
23. Kyongju National Museum. Seoul: Kyonju National Museum, 1989. 202 p.
24. The treasures of Inner Mongolia. Тю:коку ко:ко цзю дай хаккуцу бунбуцу. Хоппо кибя миндзоку-но о:гон масуку тэн = Десять великих археологических находок Китая. Выставка «Золотая маска кочевых всаднических народов Севера). Токио: Asatsu inc., 1996. 135 с. Яп. яз.